

18+

Верука Соль

Возвращение Белого Рыцаря

Верука Соль

Возвращение Белого Рыцаря

«Издательские решения»

Соль В.

Возвращение Белого Рыцаря / В. Соль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511067-1

Продолжение повести «Привет, Долли!» Жизнь Макса изменилась, и он теперь по-другому смотрит на жизнь, и готов любить эту странную девушку, бороться за своё счастье и совершать подвиги. Когда опасная секта объявляет Долли войну, он вместе со своими новыми друзьями спешит ей на помощь. Как настоящий рыцарь! Найдёт ли он своё место среди этих незаурядных, творческих людей, станет ли Кукольный переулок его новым домом?

ISBN 978-5-00-511067-1

© Соль В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Возвращение Белого Рыцаря

Верука Соль

© Верука Соль, 2020

ISBN 978-5-0051-1067-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

...Звякнули входные колокольчики. Тихо – тихо, Долли даже не сразу распознала этот звук – наверху его почти не слышно. Только «музыка ветра» слабо заиграла в её спальне, и она с трудом отвлеклась от своих мыслей. «Музыка ветра»? С чего бы это? Откуда мог взяться сквозняк? Тут до неё дошло, что мгновением раньше она слышала тонкий перезвон где-то далеко – далеко... Да нет же, это входная дверь в низу, в магазине! Вот тебе и на! Она опять забыла её запереть, вот бестолочь! Не то что бы она чего-то боялась, но бережёного Бог бережёт, да и вообще, от таких вещей ей не по себе. А в низу тишина! И если кто-то вошёл, то почему он молчит? Девушка запаслась храбростью и стала медленно спускаться по лестнице в салон – если там сидит злодей, у него ещё есть время тихонько удрать! Вот что бы сказала мама на это?! Чтонибудь вроде «Нет, детка, ты совершенно неисправима! Разве можно быть такой легкомысленной?! Или «Ты совершенно не заботишься о себе, мы живём в трудное время, и ты должна быть внимательнее...»

– Нет, Долли, ты совершенно невозможна! Разве можно быть такой легкомысленной?!

Мама! Надо же, это и в правду мама! Долли уже спустилась на нижнюю площадку и наконец увидела её. Красивая роскошная дама осматривалась, без интереса и капли уважения, просто что бы чем то себя занять. Обернувшись, она заметила дочь и дружелюбно улыбнулась – Привет, куколка!

Долли напряжённо улыбнулась в ответ. Она была почти рада видеть маму, если бы один вопрос не беспокоил – а что она тут делает? За все шесть лет, что Долли держала магазин, мама приходила сюда только два раза, это – третий. И два предыдущих повода были не очень приятными. Что теперь? – Она подошла к маме, и они изобразили поцелуйчик, только дамы умеют так делать – щёчка к щёчке, губы чмокают воздух – с лева на право, потом наоборот. Красивая женщина погладила ладонью волосы девушки, потом она немного отстранила дочь от себя, разглядывая её с ног до головы. В её взгляде большими буквами читалось: «ну конечно, я так и думала».

– Мы ведь два месяца не виделись, я так соскучилась! Вот и подумала, дай зайду! Просто так – посидим, поболтаем, сходим куда-то пообедать... А тебя что, уже обокрали?

Магазин действительно выглядел пустым. Зимние праздники – раздолье для кукольников и кондитеров, да и прочего рабочего люда. Долли месяц работала по двадцать часов в сутки, мастерила, украшала, продавала и продавала, и опять мастерила и продавала... Вот сейчас бы прийти инспектору из мэрии, она бы ему показала!.. А всё-таки, чего мама-то пришла на самом деле? «Просто так» – вот уж дудки! Она никогда ничего не делает просто так! И самое главное, она презирала этот магазинчик и этот «старый хлам», как она ласково называла игрушки. Она всегда так мила! Сейчас она скажет, что никто в здравом уме не полезет сюда что-то красть...

– Хотя кто сюда полезет... – Ну ясно всё! Долли сделала вид, что приняла эти слова как шутку и даже немножко посмеялась. Она сказала:

– Я тоже соскучилась. Прости, что не могла чаще звонить, но было столько работы, все эти праздники... Теперь даже пришлось объявить небольшие каникулы, а то и торговать нечем.

– Что ж, я рада, наконец со всего этого есть хоть какой – то прок. Но дверь всё-таки нужно держать закрытой, это же просто не безопасно! – Вот тут Доли была с ней полностью согласна. Можно сколько угодно переписывать словарь, но преступность не перестанет существовать, даже если назвать её по – другому. Конечно, теперь редко кто бегаёт с ножом по улице, или палит из пистолетов, но ведь бывает же!

Мама ослепительно и нежно улыбнулась.

– Ну как ты тут, детка, как отпраздновала Новый год? А зря всё-таки ты не поехала с нами, Испания в это время года просто великолепна!

А Долли подумала, что Испания в любое время года хороша. Как и Римини, как и Греция, и Хорватия. Везде хорошо, где есть море, солнце, тёплый песок и что – нибудь зелёное вокруг. Наверно, в раю всегда хорошо. Долли не знала этого точно, она никогда не была в раю. И уж точно не собиралась лежать на Новый год под пальмой – нет уж, песок хорош летом, а зимой хотелось бы снега, да побольше! И вообще она считала, что этот праздник надо встречать либо дома, либо в кругу друзей, но друзей у неё не было, так что...

– Нет, девочка, ты должна пообещать, что в следующий раз обязательно поедешь с нами! – Мама и её муж каждый год проводили зимний отпуск где-нибудь среди пальм. И они каждый раз с упорством чемпионов настаивали на том, что бы девушка поехали с ними. Долли отлично понимала, что у отчима – просто чувство вины за то, что так и не стал ей отцом и чувство неловкости от того, что она его не любила, и сам он её не любил. А мама действительно нуждалась в ней, отдыхая на золотых пляжах. Дома подруг у неё было с избытком, и молчаливая отстранённая девушка, пожалуй, даже смутила бы её приятельниц. Но где-нибудь на Майорке, где их никто не знает, маме действительно не помешала бы такая компаньонка – сдержанная, терпеливая, ненавязчивая. Умеет слушать и умеет не лезть вперёд, где не следует, ну, вы понимаете! Заводить новые знакомства с курортными дамочками маме в последнее время не хотелось, но вот пройтись по магазинам, принять солнечную ванну – ну ведь не с мужем же это делать! Но девочка снова не поддалась. И дался же ей этот снег!

Мама щебетала, красиво и щедро улыбалась, она доставала из страшно дорогой сумочки и выкладывала с победоносным видом перед девушкой: вот это и есть подлинные образчики аутентичной европейской культуры! Настоящий антиквариат!

Ну надо же, «аутентичной!» Трудное слово! Долли подумала, что не прошло и 20- и лет совместной жизни мамы и её дорогого – так она называла своего мужа – а она уже запомнила такие изысканные слова как «подлинные, аутентичные...» Долли с усмешкой вспомнила, как на прошлогоднем банкете Общества Развития самосознания мама прокомментировала какую – то реплику собеседницы: «О, да, к сожалению, позитивная динамика развития имеет тенденцию снижения...». Окружающие толком ничего не поняли, но послушно согласились, а «Мамин Дорогой» одобрительно улыбался. Долли не удержалась и брякнула: «Короче, всё паршиво, да?» Вот это поняли все, и Дорогой, к сожалению, то же. Он так старался обучить жену этому изящному и солидному стилю изложения мыслей, а эта маленькая зараза! В его взгляде, обращённом к девушке, было столько печальной укоризны, что преступница предпочла исчезнуть в толпе Самосознанцев. И ещё Долли вспомнила слова мамы, что для женщины красота – самое важное, а всё остальное должен иметь её мужчина, и – да, ум, конечно, то же! Знаешь, детка, быть умной и не быть дурочкой – это не одно и то же! Сейчас девушка вертела в руках что-то, похожее на фигурку животного из венги – вроде бы не китайская, что уже хорошо. Теперь почти весь антиквариат таков, и не важно, где его продавали, какую культуру он имитировал, почти всегда в тайном месте стоял знак – «Made in China «....

– Ты у меня ещё молоденькая глупышка, и жизни не знаешь, но поверь мне – она горько вздохнула, и Долли сразу насторожилась – когда так долго живёшь с кем-то, как мы с твоим отцом, в какой-то момент всё становится...я не знаю, как это назвать... Но это что-то вроде равнодушия, чёрствости! Ты говоришь, а тебя не слышат, ты рядом, а тебя как будто не видят... И есть ты, или нет тебя – никому нет никакого дела! – Она снова вздохнула и отвернулась к окну. Пушистые белые рукавички Снежной Королевы лежали на подоконнике с той стороны, а от её дыхания украсилось ледяными узорами оконное стекло, и всё было таким красивым и серебряным! Но маму эта красота не тронула. Она просто отвела глаза от дочери, стараясь прогнать дурные мысли. Настороженность девушки тут же переросла в обеспокоенность. Нет, это не её мама! Пафос, горечь, даже разочарование – от этого могут появиться морщины

и опуститься уголки сочных чувственных губ – да никогда в жизни, ни за что! Мамина эмоциональность была глубиной с чайное блюдечко, и никакие волнения не могли замутить идеальное серебряное зеркало, в котором отражалось её совершенное роскошное Эго. Так было всегда, но сейчас... Кажется, Долли начала понимать, зачем мама пришла в магазин. Она под села поближе к маме, и той пришлось отвлечься от холодного белого сияния за окном. Дочь взглядом подбодрила её, и женщина продолжила, понемногу начиная волноваться.

– Понимаешь, детка, я думаю, что мужчины вообще чёрствы по своей природе. Их способность любить какая-то односторонняя, и чувства поверхностны. Если уж мы любим, то любим без остатка, и на всё готовы ради любимых... – Долли едва заметно подняла брови: она не доверяла стандартным фигурам речи. И хоть это движение только чуть обозначилось, мама его всё же заметила.

– Нет, не смейся, это так и есть! Разве не идут за возлюбленными на край света, разве мама не жертвует всем, что у неё есть, ради счастья дочки? Разве дети и родители могут предать друг друга?

– Ты об Эросе или о любви в понимании Платона?

– Ой, брось, опять ты со своими штучками! Я не о каком – то там Платонове, а о своём Дорогом! Он меня вообще перестал замечать, понимаешь? – Мама уже всерьёз завелась. – Что я не скажу – он в ответ: «Да, дорогая, как скажешь, дорогая!», а сам даже не видит меня и не слышит, словно я пустое место! – Мама сдавленно всхлипнула, но через мгновения собралась и продолжила: – Ты ведь знаешь, он никогда не был особенно пылким. Он всю жизнь зовёт меня «Дорогая «или просто Лада. Не «Ладочка», не «Ладушка», не «кисулька – мышулька» или, скажем, «Сладенькая» – нет, просто полным взрослым именем, никаких уменьшительно – ласкательных суффиксов или как там это называется! И вообще, все эти его принципы – «в здоровом теле – здоровый дух», «труд делает человека свободным» или «верь в доброту» и всё такое... Я согласна с ним на все сто, но мне кажется, что с годами наш брак сделался не любовной историей, а воплощением его идеи гармоничного развития человека. И ничто не сможет нарушить этой гармонии, даже если кто-то при этом страдает!

Мама действительно страдала – Долли ощутила это всем своим существом и сжалась от страха. С того самого октябрьского вечера накануне трагедии с Эдом она старалась убедить себя, что она тут ни причём, что всё это просто случайность, что в кукольное царство никто никогда не захочет и не сможет принести беду, что старый друг Эд никак не связывал её со своим горем и он зашёл к ней почти случайно... Но вот мама уж точно приехала сюда специально. Она хотела поговорить со своей дочерью!

Долли начала бормотать что-то ободряющее, но сама уже слышала тяжёлые шаги беды. Нет, ещё не звук, но пока ещё далёкие вибрации... И мысли её стали путаться, наткаться на стеллажи вдоль стен, теряться в картонках с обрезками вуали, пытались выбраться на улицу, к алмазам Снежной Королевы... Но снова возвращались к маме и её мужу, к её страданиям, возвращались и окрашивались серыми и болотными цветами страха. В минуты страха мысли становились для Долли чем-то материальным, она была готова потрогать их, легонько толкнуть – они делались всё осязаемее и не приятнее. Они начали даже опутывать её какой-то прочной бечёвкой, заворачивая в душный жёсткий кокон, и вот она становится неподвижной беспомощной куколкой... Смешно: Долли – «куколка»! В тесноту кокона пробрались обломанные недоразвитые мысли ни о чём. Это опять мозг работает на холостом ходу – как всегда в предчувствии беды. Долли усилием воли собралась, вырвалась из морока дурных предчувствий. Собственно, ничего плохого пока ведь не случилось! Правда, если прекрасная Лада так растрепала свои чувства, то что-то непременно будет.

– Понимаешь, он ведь теоретик идеального мира, у него обо всём есть собственное мнение и на всё есть способ улучшить это самое «всё». Как продавец недвижимости, он точно знает, что и кому нужно, но – да, он всего лишь теоретик! Практика его не интересует! Его

ничто, похоже, уже не интересует! Я говорю ему: «Со мной что-то не так, я неважно себя чувствую!» А он мне: «Брось, дорогая, ты как всегда ослепительна!» А сам даже не смотрит на меня. Сидит, понимаешь, читает Достоевского! – Мама немного помолчала.

– Нет, ты можешь себе представить – Достоевского!» Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание»! Ну ничего себе! И это в конце 21 – го века! Вечная классика ему, видите ли, понадобилась! Я ему говорю: «Достоевский умер, его проблемы кончились, а я тут, перед тобой, я плохо себя чувствую, тебе что, всё равно?»

– А он что?

– А он говорит: «Ну, дорогая, обратись к врачу! Но я уверен, ничего серьёзного!» О, господи, да у него всегда так – «ничего серьёзного». Я помню, как его мать умирала от рака. Запущенная форма, осложнения...

– Да, я помню – Долли содрогнулась от воспоминания. Мамина свекровь так долго прятала голову в песок, ничего не хотела знать. К врачам не шла, пока не стало поздно.

– Да – да, время было упущено, сделать ничего было нельзя. А он говорил: «этого не может быть, какая ещё онкология! Всё обойдётся, обычные женские штучки!» И не навещал её почти, только чтобы не видеть, как она угасает. Тоже прятал, как ты выразилась, голову в песок, до самого конца. Боже мой, как вспомню, как она умирала! – Долли накрыла ой пальцы матери, тихо погладила.

– Не надо, мама, не бери в голову.

– Ты же знаешь, детка, я никогда не смогу забыть этого. Не дай боже так умереть! Это такой ужас!.. И вот я говорю: «со мной что-то не так; я, кажется, нездорова, я плохо себя чувствую!» А он, мой дорогой страус, говорит: «ну так сходи к врачу, какие проблемы!» – Долли с тихой злостью покачала головой.

– Нет, мама, ты уж прости, но – к разговору о Достоевском – выходить за муж за таких преступление, а жить с ними – наказание! Подари ему книгу «Идиот»! – Мама невесело хохотнула, девушка тихо улыбнулась в ответ. Типичный женский разговор!

– Да, а к врачу ты всё-таки ходила? – Мама ответила не сразу, потом протянула, скучно и равнодушно:

– Ну, ходила. Да что они понимают? – Опять помолчала.

– И...?

– И ничего! Всё в норме! Лёгкое сезонное недомогание, как у всех северян, чуть понижен общий тонус! А так всё в норме. Внутренности – внутри, красота на виду... А я чувствую себя так, будто... Я точно знаю, это болезнь! – На глаза ей навернулись слёзы.

Долли тоже была готова расплакаться. Она почувствовала, что настанет время перемен, и, скорее всего, перемен не к лучшему! Мама почувствовала эти перемены и назвала их болезнью. Но ведь это нельзя ни вылечить, ни пережить. Девушке вдруг нестерпимо захотелось, что бы всё осталось, как есть, и мама всегда была бы молодой и красивой, и что бы время замерло... Но огромные часы «Стивена Кинга» были неумолимы, и они беспокоили зимнюю дрему магазинчика, да и всего квартала, а может, и всего мира топотом быстрых бессердечных секунд, каждые полчаса боем напоминая, что всем вокруг есть о чём подумать. И Долли думала, и понимала, что уже ничто не будет прежним, ведь это не лечится!

У этой болезни было только одно название – старость. Мама начала стареть, и где-то в глубине души это знала. И не хотела этого знать. Но каждую секунду своей новой, стареющей жизни она получала очередную порцию разочарования. Конечно, она была красива и стройна, но молодые самцы лишь вскользь задевали её взглядами, почти всегда случайно. Даже среди золотистых пляжей Испании или Египта, где женские прелести скорее откровенны, чем целомудренны, особи мужского пола смотрели больше сквозь неё, как будто её и не было. И она испытывала острые приступы раздражения, почти ненависти, когда видела их двадцатилетних подруг. Именно этим девицам, а не ей в модных магазинах глупые суетливые продавщицы

предлагали самые сексуальные, откровенные и эффектные наряды и украшения, а ей – ну элегантные, ну стильные, ну дорогие – и только – то! Да и в салоне красоты не лучше.

– И представляешь, детка, эта гусыня и говорит: «Этот крем идеально подходит для увядающей кожи». Увядающей, ты только подумай! Это у меня – то увядающая!

Мама не готова была смириться. Естественный ход времени она воспринимала как что-то неприемлемое, мучительное и унижительное, как неприличная болезнь. Это необходимо лечить. И иногда даже кажется, что болезнь отступает, что подлое время остановилось. Правда, теперь нужно ложиться на час раньше, и вместо трёх коктейлей – только два, и вообще стоит снизить физическую активность, но в целом – всё на пятёрочку! Достаточно только запровадиться как следует стволовыми клетками, почистить организм, вытряхнуть какие – то шлаки, опять же – вегетарианство и никакого сахара – и о —ля – ля! – как в песне поётся, «вот такая, блин, вечная молодость!» Но это только если верить сторонникам Дарвина и Павлова. И уж если ты произошёл от обезьяны, то любые проблемы можно решить с помощью биологии и химии. Или по крайней мере попытаться. Но то, что создано по образу и подобию Божьему, знает – часы тикают! Время идёт, время уходит. Его не остановить, не обратить, не купить – оно бесценно и конечно для каждого. И это нормально, это не страшно! Это переход от одного состояния к другому, это просто новая история... Но потомки приматов не готовы к переменам. И после того, как мы перестали опираться кулаками в землю при ходьбе и сдали в утиль хвосты, красота стала единственной ценностью, достоинством, утешением, товаром, если угодно! И как страшно, как нестерпимо это потерять! Теперь, к счастью, стало намного проще удержать ускользающее чудо – просто немного больше с каждым днём процедур, опять же есть специальные препараты, гормоны... Но однажды, останавливаясь возле зеркала, с любовью и тревогой всматриваясь в своего прекрасного двойника, несчастный примат встречается взглядом с убийцей. Убийца смотрит на свою жертву с той же любовью из глубины Зазеркалья, что и из глубины сознания, со дна души. Убийца уже здесь – нет, он всегда был здесь! Он неумолим и неподкупен, его нельзя обмануть или остановить, он должен сделать – и он сделает это! Частица за частицей, атом за атомом, красота, сила, сама жизнь тела – всё это распадётся, незаметно рассеется в пространстве, будет забыто. И в предчувствии этого разрушения вся сознательная часть существа содрогается и заходится беззвучным воплем – НЕТ! НЕТ! НЕ Я! ТОЛЬКО НЕ Я! И слабые отзвуки эха этих страданий выплёскиваются в мир живых – и мы это слышим, и сострадаем, и так же испытываем страх – только кто больше, а кто меньше.

Мама страдала. Пока тихо и едва уловимо, но её деловитый ограниченный разум уже запрыгал в поисках лекарства. Надо предпринять что-то уже сейчас. И тут все средства хороши. Может быть, она поэтому и пришла в магазин?

Долли было жаль маму. Если бы она могла помочь, но ведь не существует лекарства! Девушка всегда это знала, она уже видела Время воочию, трогала его руками, распознала его ароматы и могла рассказать, какой у него вкус... Мама сказала бы, что она просто рехнулась. Как всегда. Но это ничего не значило. Тик – так, тик – так... Знаешь сколько стоит время? Сто монет одна минута...

Долли всегда это знала. Все считали её умной (ну, или почти все). Она тоже думала, что достаточно умна. Но это было не совсем так. Это не просто ум, это скорее мудрость. Но ведь она слишком молода, чтобы быть мудрой! Она никогда бы этого не признала, и только куклы знали правду, но они – то точно никому не скажут. А может быть, именно он и научили Долли кое – чему, о чём не догадывалась мама? Ведь куклы бывают иногда старше нас! Некоторые куклы в её личной неприкосновенной коллекции были старше неё, даже старше госпожи Корины. Они, оставаясь вечно маленькими детьми, повидали немало глупых людей и пыльных чердаков, и солнечных дней, и одиноких ночей, когда их просто забывали под скамейкой в парке. Куклы всё знают и всё видят! И они существуют намного дольше, чем стереовизоры, космети-

ческие салоны, инъекции стволовых клеток и теоретическая база Фрейда. Куклы появились намного раньше, даже раньше письменности и понятия культуры вообще. Ритуальные куклы, куклы – обереги, тотемные, дарственные – они пришли к людям уже очень давно, и хранят множество секретов. Куклы точно знают, что такое нежность и разочарование, забота и бессердечность. Куколка распаивает свои радужные наивные глазки на этот странный переменчивый мир как и человек – не зная и не понимая его, не оценивая и не предчувствуя. Она оживает в одночасье, обычно на Новый год или в чей – нибудь День Рождения, и свой медовый месяц проживает, окружённая любовью и заботой, в лучшем уголке чудесного кукольного домика. Потом о ней начинают постепенно забывать. И вот уже другой куколке достаются новые платья и других зовут пить чай с воображаемым печеньем, и какой-то мерзкий грубый мальчишка пытается выдрать ей волосы и открутить ручки – ножки, и так заканчивается счастливое кукольное детство. Конечно, её продолжают любить, но уже как-то невнятно, привычно, как старую супругу. Не отпускают от себя, но и не балуют. Она живет во взрослом мире тихо, незаметно, она всё видит и всё слышит. Она не понимает, что такое горе, что такое болезнь или старость, ей неведомы страх и безнадежность. Она видит это, знает это, но этого не понимает, она – вечный ребёнок и не взрослеет, даже став уже совсем старой. Но она всё помнит и может многое рассказать тому, кто готов услышать.

Долли всегда хотела их слушать. Она вообще любила вещи, но не пошлой любовью обывателя – потребителя, а любовью волшебника. Лаская пальцами их контуры и грани она узнавала их форму, а прислушиваясь к ним – узнавала суть, проникая в почти нереальное их существование, слушая их рассказы о прежних хозяевах. Вот, к примеру, часы «Стивена Кинга», как она их называла. Старая гравировка на задней стенке говорила о том, что этот громадный старомодный монумент был подарен некоему Г – ну С. Его коллегами по работе в честь юбилея 53 года назад. Должно быть, его уважали, хотели сделать приятное. А вот его наследники явно ограниченные равнодушные лодыри: часы – то были исправны, даже вид их был вполне приличным. Только заводного ключа не было и механизм изрядно заржавел. Наследникам этого почтенного господина не были нужны его вещи даже как память, и они не потрудились содержать хорошую вещь в порядке. Долли купила эти часы у старьевщика за жалкие копейки, немного доплатила за ремонт, вернее – наладку, и в результате получила уникальный антиквариат, цена которому была не малая. И теперь они гордо и громогласно заявляли о себе каждый час, постоянно пугая девушка ударами гонга, как в романах Кинга. Но Долли всё равно любила эти часы – они были частью этого мира намного дольше, чем она сама, и точно знали, сколько времени уже растрчено, и сколько ещё осталось....

Времени оставалось много, очень много! Прощаться с молодостью не значит становиться старой. Старение организма вовсе не означает скорую смерть, и нечего из-за этого сходить с ума. Долли всегда это знала, но маме сказать не смогла. Вот уже час они гуляли по Центральному парку, и мама поминутно с кем – нибудь здоровалась. Казалось, все её знакомые вышли толкаться просто так в этом парке, только чтоб посмотреть, как прекрасная Лада выгуливает свою дочь. Некоторые даже останавливались на минутку, чтоб обменяться с мамой несколькими пустыми фразами, а двое даже сладенько умилились на девушку: «Ну надо же, ты совсем взрослая, а я тебя ещё вот такой помню!» И тут же примеривали её прежний воображаемый рост к садовой скамейке, и сами же довольно смеялись. Долли могла бы сказать какую – нибудь дерзость, но настроения не было. У мамы, к стати, настроение оставалось по – прежнему так себе, и встречи с этими «обаяшками» ей только мешали, но, как там у классика: «привычка свыше нам дана, замена счастью она», и мама по привычке гуляла в этом парке и так же автоматически играла свою светскую общественную роль. Она всё говорила, говорила, жаловалась, перескакивала с одного симптома на другой, делилась предчувствиями, тут же рассказывая о своём полутора – минутном романе с телеведущим: «ну ты же знаешь, он ведёт ещё это шоу об экстрасенсах!» Долли не знала. Она не смотрела это шоу. Но всё же заинтересовалась.

– А кстати, где ты его подцепила? – Мама поморщилась. Она устала бороться с ужасными манерами дочери, а уж тем более сегодня! Но совсем не обращать внимание тоже нельзя.

– Подцепила! Ну что за мерзкие словечки у тебя, и где ты только...

– Да ладно, мам! Ты сознавайся давай!

– А, ну это было на фуршете в Обществе Развития Самосознания. – Мама зачерпнула горсточку снега и теперь перекладывала снежный пирожок из ладони в ладонь. Её шикарные перчатки «хамелеон» начали менять свой цвет от соприкосновения с белыми кристаллами, и мама с удовольствием наблюдала за радужной игрой красок на своих руках, и выглядела она в этот момент такой неземной и невинной, что Долли насторожилась. Мама ненадолго приземлилась на третьей планете, и уже как бы ни к чему добавила:

– Да, и представляешь, твой папа даже ничего не заметил!

– Мама, хватит!

– Но ты же сама спросила! – Лада наивно захлопала глазками, собираясь прикинуться обиженной, но Долли не купилась на это.

– Ты знаешь, о чём я! Двадцать лет мы говорим об этом, и двадцать лет ты делаешь вид, что не помнишь о таком «пустяке»! Это не мой отец! Мой папа умер, ты не забыла? – Долли всегда сердилась при этих словах. – Это твой муж, Твой Дорогой, да кто он там ещё? Кто угодно, но это не мой папа! – И, предвидя поджимание губ и огорчённое вздыхание, девушка жёстко добавила: – И это тоже прекрати! Ты знаешь, на меня это не действует! – Лицо мамы приняло обычный вид, и она сказала примирительно:

– Да что ты, не заводись!.. Ну прости, прости! Больше не буду его так называть!

...Двадцать лет одно и то же! Да, горбатого только могила исправит!

– Ладно, проехали. Так что там с твоими «самосознанцами»?

– Да нет же, я говорю не о них, а о телеведущем и о его – ну как бы точнее выразиться? – героях, что ли? Так вот, он рассказывал мне, что у него в шоу выступала одна дама, совершенно уникальная целительница, госпожа Антоника. Она как будто с первого же взгляда может понять, что с человеком такое! Представляешь, вот так вот р – р – раз, и уже диагноз! Потрясающе, правда?

– Да уж конечно! И как, хорошо зарабатывает? – Мама аж остановилась и топнула от возмущения. – Ну как тебе не стыдно! Как ты можешь быть такой циничной? Я говорю, что эта женщина имеет уникальный талант, она помогает людям, исцеляет их, а ты... Ты рассуждаешь как...

– Да ладно, мам! Обычная шарлатанка с хорошей рекламой, да и только! Тебе – то что до неё?

– Да ничего, собственно! Мне нет до неё дела! – Мама как-то преувеличенно весело засмеялась. – А всё же любопытно, да? И как она это делает?

Долли поспешила перевести тему. Формула «тяжелая болезнь + экстрасенс = чудо исцеления» всегда вызывала у неё ядовитую насмешку, и обсуждать этот вздор ей не хотелось. Мама почувствовала это и немедленно сдалась, чем очень удивила Долли. Не в правилах прекрасной Лады так просто уступать, но девушка не успела даже задуматься толком, а Лада уже взяла её в оборот, и прямо и твёрдо спросила:

– Ну, так как же его зовут?

– Ты о чём?

– Да о том мужчине, помнишь, ты говорила, что встречаешься с адвокатом, кажется? И как его зовут?

...Да, уж лучше было продолжать разговор про целителей и чародеев! Долли с трудом припоминала, что же конкретно она врала маме о несуществующем адвокате, но вроде бы ничего интересного она не успела придумать, никаких деталей, так, просто – адвокат, встречаемся, милый!.. И мама никогда не интересовалась подробностями, а тут вот – на тебе! Так

как же его зовут? Лада внимательно смотрела дочери в глаза, ожидая ответа, и Долли, абсолютно растерявшись, выдала первое, вернее – единственное, что пришло ей в голову: – Макс. Его зовут Макс. – И сразу почувствовала себя очень – очень одинокой....

Глава 2

.....Макс как – то отстранённо слушал разговор, и до него как из далека доносились смех, реплики, звяканье столовых приборов... Версаль и его друг слишком увлеклись правовыми вопросами на Новый год. Брат слушал с большим интересом, отец доброжелательно следил за «мальчиками», сыто и довольно развалившись в кресле. Мама и Люци в полголоса обсуждали что-то не понять, что, но очень женское, секретное. Ёлка мигала разноцветными огнями, поблёскивали серебряные и золотые ниточки «дождика» на её ветвях – Макс очень любил эти зимние праздники. А вот интересно, почему никто не отменил ёлку? Почему из всех старомодных традиций мы упорно сохраняем именно эту? И эти гирлянды, и эти шары и колокольчики? Мысли текли вяло, полусонно – ничего не хотелось делать, даже разговаривать не хотелось, даже думать не хотелось... Золотой ангел на верхушке ёлки поблёскивал сквозь марево полусна, и как бы улыбался Макс – это было очень приятно.

Версаль и Сит оживлённо беседовали. Сит с энтузиазмом рассказывал о последней операции отдела приставов.

– Представляешь, этот умник развёлся с ней и пропал не весть куда. А двое детей пусть растут сами, как хотят! – Мама и Люци хором возмутились в адрес мерзавца, эта тема им явно не казалась скучной. – Жена, конечно, подала на алименты, суд постановил их выплачивать, а он даже и не подумал, представляете! За два года алиментов накопилось огромная сумма, а мы его никак изловить не можем!

– А чего его ловить – то, вы же можете по новому закону просто прийти к нему домой, даже в его отсутствие, описать имущество, изъять то, что посчитаете нужным – пусть сам потом за вами побегает! – Версаль присмотрелся к куску мяса у себя на тарелке, секунду подумал о нём, а потом добавил ещё соуса. – Чего же вы так не сделали?

– Да там как – то непонятно всё получилось с исковым заявлением, то ли оно прошло позже, то ли вообще составлено задним числом, так что путаница со сроками, да у нас стараются не поощрять такие репрессии – ты же знаешь! Вот решили- таки найти самого должника да прижучить! Начальству виднее, мы – то просто работаем. Сказано найти и проучить – вот и делай, что хочешь! А где он работает мы не знаем, дома застать не можем, соседи ничем не помогают. Вот и пришлось пойти на хитрость. Представляешь, бывшая его тёща звонит нам и докладывает, что ей знакомые сказали – он женится скоро! Ой, говорит, помогите, а то всё запишет на новую жену, тогда ничего не получим вовсе! Ну мы тут и сообразили. Послали запрос во все отделы регистрации браков и выяснили, где и когда будет бракосочетание должника. И прямо – таки на свадьбу и заявились! Парочка только в зал вошла, а мы тут как тут! И я говорю – или мы Вас задерживаем, или прямо сейчас оформляем наши дела! – Он довольно хохотнул. Версаль с восхищением покрутил головой. – Да, парень, что и говорить, а работать вы умеете! – Обе женщины и отец тут же согласились, а мама добавила:

– Вот каков негодяй, второй раз собрался какую – то бедняжку обмануть, а потом вы будете и по её иску гоняться за ним! Вот поделом ему! И что же было потом?

– Ну мы конечно разрешили им расписаться, что мы не люди, что ли? Но паспорт его тут же изъяли, а потом, вместо банкета, проехали к нему – то есть к ним – домой, да там уж и сделали, что положено! – Макс уже давно перестал есть, только пил воду и очень внимательно слушал Сита. И сейчас прохладно и отчуждённо спросил:

– И что же, много изъяли?

– Да не особенно. Ну знаешь, как у всех: кое – что из видеотехники, бытовые приборы, пару вещей из мебели... В лучшем случае, на одну пятую! Так обычно и бывает.

Макс уже просто не сводил с него глаз. Он хорошо знал Сита, этот человек ему всегда нравился. Как иногда бывает – лучший друг старшего брата кажется таким классным, таким... как самый настоящий старший брат, только ещё лучше. Он не пилит по пустякам, не лезет в твою комнату и не поднимает на смех, когда ты секретничаешь по телефону со своей девочкой, не трогает твои вещи и уж точно не пойдёт ябедничать отцу. Он кажется очень умным и взрослым, и может даже снизойти до мужского разговора с тобой. Именно старший брат и его лучший друг как никто разбираются в очень важных вещах и не против поучить молодого кое – чему! Макс любил брата и уважал его друга с совсем ещё зелёных дней. Прошли годы, мальчики выросли, стали мужчинами, но эта привязанность не только не исчезла, но и упрочилась: Макс понимал Сита и как специалиста, и как человека. Но сейчас он не мог уложить в голове его слова. Сит смеялся! Макс наконец смог оторваться от него и осмотрелся вокруг. Ничего не изменилось. С леденящей трезвостью он вглядывался в любимые лица, пытаясь отыскать что-то, что чувствовал он сам – может, возмущение, или хотя бы недоумение, недовольство его словами? Но отец по-прежнему благодушествовал во главе стола, довольно и сыто любуясь своими верноподданными; мама и Люци понимающе радовались совершившейся справедливости и находчивости Сита и его команды, а Версаль веселился, поддерживая друга – все были довольны! Никаких сомнений!

Макс почувствовал острое желание оказаться прямо сейчас в каком –нибудь другом месте и забыть этот разговор, и тогда он не стал бы говорить того, о чём пришлось бы пожалеть. Ему правда очень хотелось промолчать. Но смеющееся лицо друга просто гипнотизировало его, и Сит неожиданно показался Максиму каким то... противным, что ли? Да, именно противным! Полноватые щёки подпрыгивали от смеха, глаза сделались узкими, не очень ровные белые зубы как – то хищно ослабились... так в кино обычно изображают циничных зажавшихся мерзавцев. Нет, уж конечно Сит не был мерзавцем, Макс в этом не сомневался. Но то, о чём они сейчас говорили...

– И ты думаешь, это было правильно?

– Не понял!

– Ну то, что вы сделали, это того стоило? – Все продолжали улыбаться, но как – то уже автоматически. Только Версаль с весёлым недоумением спросил:

– Ты чего, братишка? – Макс лишь скользнул по нему взглядом и снова уставился на Сита

– Ты правда гордишься этим, а? Ты хоть понимаешь, что только что сказал? – негодование поднималось в нём, пружина начала раскручиваться. Часть разума Максима понимала, что ему стоит заткнуться, это не к добру, это не его дело – но остановиться он уже не мог.

– И как вы вообще могли такое сделать? – Теперь все смотрели на него; они явно не знали, как себя вести. Сит слегка посерьёзnel.

– Да ты о чём, что мы сделали – то?

– Что сделали? Вы выбрали для расправы самый важный день в жизни этой пары, может, самый счастливый день! Вы же всё испортили! Она не плакала?

– Кто она?

– «Кто она?» Да та женщина, свадьбу которой вы испортили! Хотя испортили – слабо сказано!

Версаль нахмурился.

– Да что на тебя нашло, Макс, ты что несёшь? – Макс не удостоил его ответом, его сейчас интересовал только Сит.

– Вы что, не могли сделать это иначе? Так она плакала, скажи?

– Ну – у – у – у... да, конечно... Слушай, да ты чего взелся? Плакала, не плакала – какая тебе разница?

– Мне? Да почти никакой. Подумаешь, чья – то там свадьба не состоялась! Невеста рыдает, её платье никто не увидел, гости разошлись, деньги за банкет в ресторане

им никто не вернёт, незнакомые люди толпой вошли в их дом и уносят всё, что приглянулось – и это вместо подарков! Ни песен, ни танцев, никаких цветов и тостов – только разорённая квартира, только унижение – ты думаешь, они сейчас уже пришли в себя? Ты доволен? – Его уже просто трясло. Нормальная часть его разума недоумевала – что это правда с ним? Он сам не понимал, почему он так разволновался – аж до дрожи в руках. Но та таинственная часть его самого, которая была ему самому ещё мало знакома, не могла стерпеть! Когда – то что-то изменилось в нём, и теперь он воспринимал жизнь иначе. Слова маленькой кукольницы не шли из головы, и он теперь часто повторял

про себя: «они живые люди. Мы и есть живые люди, понимаете?» Он понимал. Он всегда об этом знал, но это ничего для него не значило. Просто эпизоды, просто объекты. Но однажды всё стало по – другому. Ему стало тяжело работать. Он утратил способность мыслить отвлечённо и сделался пристрастным. И сейчас за это отдувался Сит. Остановится Макс был просто не в силах, он действительно переживал.

Сит некоторое время молча смотрел на друга. А потом резко и зло спросил:

– А с чего это ты стал таким сентиментальным, а? Платье, цветочки, тортики – это всё переживания для девчонок, это, знаешь ли, просто несерьёзно! И что тебе за дело до этой парочки? Это что, твои проблемы? – Остальные затихли, не решаясь вмешаться, только отец, лениво потягивая вино, смотрел куда – то мимо молодых людей, но пальцы его уже начали отстукивать дробь по краешку стола. Макс опустил глаза на свой столовый прибор, потом стал медленно цеплять салат вилкой. Надо остановиться, надо прекратить этот разговор! Но пружина в нём уже раскрутилась в полную силу.

– Это не мои проблемы. И мне нет дела до этой парочки, как ты говоришь. Я их даже не знаю. Но я знаю, что они люди! Настоящие живые люди. И с ними нельзя так поступать, понимаешь?

– Да чёрт тебя побери, как это я с ними поступаю?! – Сит уже разозлился не на шутку. – Я просто выполняю свою работу! Есть закон, есть решение суда, а остальное – просто чушь и детский сад! Я должен защитить права детей этого бессовестного мерзавца, и кое – кто мне даже спасибо скажет!

– Точно, пара незнакомых тебе тёток тебя точно поблагодарит. А та женщина, которую ты в грязь втоптал? Она как? – Версаль резко грохнул ножом, едва не разбив тарелку.

– Знаешь, Макс, ты это оставь! Ты просто не имеешь право оскорблять Сита и всю его команду. «Втоптал в грязь»! Надо же такое сказать! Тот мужик знал, что делает, и мы все просто работаем – и ты, и я, и Сит – чего же ты хочешь?!

Макс вскинулся:

– Да я хочу, что бы мы не были какими – то опричниками; что бы мы и сами были людьми, что бы не вытирали ноги о маленьких людей! Вас что, жизнь ничему не учит, что ли?

– И что, Сит должен прослезиться на чужой свадьбе и не требовать уплаты долгов, как велит закон, не должен выполнять свои обязанности? – Низкий глухой голос отца как- то неожиданно вторгся в их спор, и все обернулись к нему. Он говорил спокойно, и поза его по-прежнему была расслабленной, но глаза явно выражали недовольство Максом. Но сына это не отрезвило.

– Должен! Конечно, должен! Но по – другому! Так нельзя, вы что, не понимаете? Это просто садизм и паскудство!

– Замолчи. – Отец произнёс это так жестко и холодно, что сын осёкся. Мама встревожено мяла салфетку, полушёпотом повторяя: «Боже мой, Боже мой!» Она всегда принимала сторону мужа, и сейчас, конечно, тоже, но этот спор был ей не понятен и просто пугал её. Неожиданно вмешалась Люци.

– Нет, правда, Макс, этих ты пожалел, а его бывшей жены и двоих брошенных детей тебе не жаль? Ты хоть представляешь себе, что чувствует разведённая женщина, как тяжело

ей приходится? Как трудно растить детей, не имея кормильца и опоры? – Она с укоризной смотрела на брата, страдальчески приподняв брови и склонив голову к плечу – точь – в точь как мама во время приступов жалости к человечеству, и Макс снова вскинулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.